

Ранний восход

Книга Льва Кассиля «Ранний восход» названа автором в подзаголовке повестью о юном художнике. По своей природе эта книга документальна. В ней рассказано о короткой и удивительной жизни Коли Дмитриева, московского мальчика, юного художника, трагически погибшего в начале своего творческого пути.

Жизнь Коли Дмитриева удивительна не потому, что она отмечена героическими поступками. В ней поражают сила и зрелость таланта, чудесный его свет, озаривший весь недолгий путь мальчика, недетская сила целеустремленности. Последнее лето Коля Дмитриев провел в деревне, и, если судить по книге, никогда еще так полно и так счастливо не чувствовал он природу. За два месяца он сделал почти полтора года работ. Они были отмечены поэтичностью, зорким и точным «видением» мира, смелостью рисунка. За такой короткий срок юный художник совершил гигантский прыжок к мастерству. И каждая его вещь была овеяна дыханием ласковой любви к нашей стране, ее людям, к большой, цветущей земле с ее рассветами и грозами, цветами и травами, реками и лесами.

Детство каждого из нас полно открытий. Мы видим мир вокруг нас и поражаемся его явлениям, открывая для себя удивительные вещи: рождение грома, шум морской раковины, длину полуденной тени; мы испытываем в детстве и первые радости и первые разочарования. Обо всем этом написано немало книг; тема «узнавания мира» пронизывает многие произведения.

Глава, которой начинается повесть «Ранний восход», так и названа: «Первое открытие». Но на этот раз первое открытие, сделанное мальчиком, — закон перспективы.

Страница за страницей Кассиль рассказывает, как учился мальчик видеть и слышать природу, как постигал тайну «глубины» рисунка.

Лев Кассиль. Ранний восход. Детгиз. 1953. 310 стр.

Коля Дмитриев.

сунка, законы пространства и перспективы, соотношение цвета и формы. Рассказ этот очень интересен, в нем не только умно и точно раскрыто глубокое содержание первых открытий, важных для всей дальнейшей жизни героя, но и передана их живая, увлекательная прелесть. Автор раскрывает перед читателем сложный процесс формирования маленького художника, показывает, как выковывался и закалялся своеобразный и привлекательный характер мальчика.

Многое удивительно переплетается в этом характере: поэтичность и упорство, мягкость и прямота, сила и детская нежность.

Духовный облик мальчика достоин быть примером и предметом подражания для юных читателей.

Да, за свою короткую жизнь Коля Дмитриев не совершил особых героических подвигов. И вместе с тем сама его жизнь — подвиг. Это был подвиг страстного и самоотверженного служения искусству, подвиг верности главной цели своей жизни, поистине поразительный. В письмах, в многочисленных откликах маленьких читателей на книгу «Ранний восход» можно увидеть приме-

чательную подробность. Ребята ходят смотреть на старый дуб, стоящий у крыльца дома в Плотниковом переулке, где жил Коля Дмитриев. Думается, что этот интерес вызван не только той описанной в книге борьбой за жизнь старого дерева, когда Коля вместе с товарищами отстоял дуб от равнодушных людей, задумавших его спилить. Этот дуб, шумящий в московском дворе, вошел в жизнь мальчика как голос самой природы; красота и задумчивость узловатых, старых ветвей, так полно ощущавшиеся юным художником, пленили и тронули сердца ребят. И старый дуб стал для них как бы частицей жизни Коли.

Мне кажется, что тема повести, ее своеобразный материал обогатили Кассиль как писателя. Радует тонкость и точность описаний, вдумчивость, с которой автор раскрывает процесс творчества художника, бережливый, мягкий и глубокий в передаче первой любви Коли, его раздумий и стремлений. Используя подлинное письмо, документы, дневники, соблюдая верность главным датам биографии героя, писатель обобщил фактический материал, подчинил его единой цели, законам художественного повествования.

Тем озорнее видеть в этой книге шероховатости. Нехорошо, когда ребята вдруг начинают говорить условным, принятым в детской литературе языком, на том якобы обязательном мальчишеском жаргоне, который сейчас звучит повсюду старомодно. Нехорошо, когда вдруг выскакивает на поверхность персонаж с много раз описанными в литературе приметами чудакости — он даже восклицает, как воскликали сотни подобных стариков: «Те-те-те».

Впрочем, эти недочеты ощутимы главным образом в первой половине книги. Последние главы, описание последнего лета в жизни Коли Дмитриева, бесспорно, лучшие в повести.

Закрывая книгу, полюбуясь и оценив светлый, поразительный талант юного художника, испытывая чувство гордости за нашу Родину, щедро рождающую дарования такой силы.

Татьяна ТЭСС

Слова дружбы и уважения

Сохранился любопытный рассказ Гоголя о том, как он в 1837 году посетил «Комеди Франсез», когда там праздновали день рождения Мольера.

«Давали его пиесы «Тартюф» и «Мнимый больной». Обе были очень хорошо играны... Каждый год Théâtre Français торжествует день рождения Мольера. В этом было что-то трогательное. По окончании пиесы поднялся занавес: явился бюст Мольера. Все актеры этого театра попарно под музыку подходили венчать бюст. Куча венков вознеслась на голову его. Меня обняло какое-то странное чувство. Слышит ли он, и где он слышит это?»

Гоголь был не первым деятелем русской культуры, которого видела в своих стенах «Комеди Франсез». Еще в XVIII веке в ней побывали Фонвизин, Карамзин, знаменитый русский актер того времени Дмитриевский.

Будучи в Париже в 1765—1768 годах, Дмитриевский завязал дружеские отношения с корифеями «Комеди Франсез»: с Лекеном, исполнителем главных ролей в трагедиях Вольтера, и с Клерон и Дюмениль, лучшими трагическими актрисами театра. «Надобно было видеть Лекена», — говорил Дмитриевский, — в роли Магмета, Танкреда, Оросмана, Замора и Эдипа-царя, чтобы постигнуть, до какой степени совершенства может быть доведено сценическое искусство, потому что вообразить себе этого нельзя. Лекен и Дюмениль — это настоящие трагические божества».

Внимание Фонвизина, посетившего Париж спустя десять лет и не заставшего уже в живых Лекена, привлекло главным образом мастерство комедийных актеров театра. Фонвизин отмечал реализм их игры или, как он выражался, совершенное «подражание натуре». «Словом, комедия в своем роде есть лучшее, что я в Париже видел», — писал автор «Недоросля».

Отзыв Карамзина о спектаклях «Комеди Франсез» (1790) интересен попыткой писателя охарактеризовать особенности исполнения классической трагедии актерами театра: «Вот декламация! Вот действие! Благородство в виде, величавость поступи, ясность, чистота в произношении, и в каждом слове душа, то есть, всякая Поэтова мысль оттенена, всякая мысль выражена свойственным ей тоном, и в гармонии с игрою глаз, с движением руки, везде живопись, везде картины — и если зритель, несмотря на сие утончение искусства, остается холоден, то, конечно, не актеры виноваты».

Передовые русские люди XIX века подчеркивали национальный характер мастерства актеров «Комеди Франсез».

В 1847 году, рассказывая о «Письмах из Avenue Margni» о постановке трагедии Расина, Герцен утверждает, что именно актеры «Комеди Франсез» выработали тот исполнительский стиль, который может раскрыть все значение Расина: «Есть нечто поразительно величавое в стройной, спокойно-развивающейся речи расиновских героев; диалог часто убивает действие, но он изящен, но он сам действие; чтобы это понять, надобно видеть Расина на сцене французского театра: там сохранились предания старого времени, предания о том, как созданы такие-то роли Тальмой, другие Офреном, Жорж...»

Герцен отмечает необычайную строгость исполнения, присущую актерам французского театра: «...два — три актера, как статуи на пьедестале: все устремлено на

них. Сначала дикция их, чрезвычайно благородная и выработанная, может показаться изысканной, но это не совсем так: торжественность эта, величавость, рельефность каждого стиха идут духу расиновских трагедий».

Герцен оставил нам замечательное описание игры Рашель, одной из величайших актрис, выдающейся представительницы сценического классицизма. «Как теперь вижу эти гордо надутые губы, этот сжигающий, быстрый взгляд, этот трепет страсти и негодования, который пробегает по ее телу! А голос, — удивительный голос! — он умеет пригласить ребенка, шептать слова любви и задушить врага, и исполнить злости, гнева, суровости; голос, который подходит на воркование горлицы и на крик уязвленной львицы».

С творчеством Рашель был знаком и великий русский актер Щепкин. Ради встречи с Рашель во время своей поездки за границу он летом 1853 года заехал в Париж. Из беседы с французской актрисой Щепкин убедился в том, что она к своему искусству относится так же сознательно, как и он. В знак дружбы Рашель подарила русскому артисту рукописи трагедии Расина «Эсфирь» с надписью: «Дар великому комедианному актеру господину Щепкину от умеющей думать трагической актрисы Франции Рашель».

В сезон 1853—1854 года Рашель гастролировала в Петербурге и в Москве, и Щепкин увидел ее тогда во многих ролях ее репертуара. Щепкин не только восхищался талантом и огромным темпераментом актрисы, но и высоко оценил обдуманность ее игры и тщательное изучение ею всех деталей своих ролей.

«...Появление Рашели весьма благоприятно для искусства», — писал Щепкин. — Она столько бросила в мою старую голову мыслей, что не знаю, как и ладить с ними».

В 1899 году «Комеди Франсез» посетил один из лучших русских романтических актеров и вдумчивый исследователь театра — Ю. М. Юрьев. Наибольшее впечатление произвел на него Мунэ-Сюлли. Знаменитый французский трагик, «мастер героики», превосходно выразил, по мнению Юрьева, стиль французской национальной драмы — блестящей по форме, часто как будто рассчитанной на внешний эффект, но исполненной искреннего, большого чувства. Немногими штрихами характеризует Юрьев в своих «Записках» манеру игры Мунэ-Сюлли в роли Рюи Блаза (в одноименной драме Гюго) — простого человека, попавшего в среду развращенной аристократии. Великолепно исполнил Мунэ-Сюлли знаменитый монолог Рюи Блаза, в котором он обличает продажных министров.

«Мунэ-Сюлли начинал его тихо, — пишет Юрьев, — как бы экономя энергию, но, постепенно разгораясь, давал к концу такую силу негодования, что зрительный зал как бы насыщался электричеством, исходившим от него».

Выдающиеся мастера Московского Художественного театра, побывавшие в «Комеди Франсез» в 1937 году во время своих гастролей в Париже, снова отметили характерное для французских актеров мастерство диалога, законченность жеста и классическую строгость исполнения.

Советские зрители видят в «Комеди Франсез» представителей славной традиции многовековой театральной культуры.

М. ЧЕРНЕВИЧ

Новое о Денисе Давыдове

Знаменитый поэт-партизан Денис Васильевич Давыдов, как известно, не состоял в тайных декабристских организациях. Однако со многими декабристами он дружил и, разделяя их возмущение аракчеевским режимом, сочувственно относился к попыткам просвещения солдат.

19 февраля 1818 года генерал-майор Д. В. Давыдов был назначен начальником штаба седьмого корпуса второй армии, расквартированной на юге России. Начальником штаба четвертого корпуса той же армии был один из близких друзей Давыдова — декабрист Михаил Федорович Орлов.

В Киеве, где находился штаб четвертого корпуса, М. Ф. Орлов вводил обучение солдат и солдатских детей по так называемой ланкастерской системе взаимного обучения (при которой «сильные» ученики обучают «слабых»), используя эту систему для политической агитации.

Давыдов решает завести ланкастерские школы и в своем корпусе. Это подтверждается двумя его письмами, обнаруженными нами в Ленинградском историческом архиве. Они адресованы старому приятелю поэта — дежурному генералу главного

штаба А. А. Закревскому, принадлежавшему в то время к «ермоловскому кругу».

25 июня 1818 года из Умани Давыдов пишет:

«Я видел несколько раз военно-сиротское отделение в Киеве, преобразованное Орловым — видел и восхищался! А так как корпусная наша квартира переходит в Херсон, где такое же отделение, то я хочу им заняться, на что требую от тебя разрешение, таким образом чтобы комендант не мог мне делать преград».

Получив разрешение, Давыдов с присущей ему энергией взялся за дело.

14 октября 1818 года он сообщает Закревскому:

«Я принял в ведение Херсонское военно-сиротское отделение в начале сего месяца... Сверх введения метода взаимного обучения (или ланкастерской) я бы хотел, чтобы воспитанников кормили лучше, чтобы как они сами, так и казармы, и учебные залы были как стекло, но на все это надо деньги, и на употребление 13.769 рублей суммы, принадлежащей сему отделению, нужно от тебя разрешение, или по крайней мере позволение мне заимствовать из нее нужное количество денег, ибо если на пер-

вое ты не имеешь права и на употребление ее не последует высшего разрешения, то я по образованию всего могу внести свои собственные деньги. Привыкнуши спать на бурке с седлом в изголовье, мне многого не нужно!»

Неизвестно, сумел ли Закревский добиться разрешения на отпуск казенных денег, или Давыдову пришлось расплачиваться своими собственными, но в Херсоне было обучено по ланкастерской системе 660 человек.

Весной следующего, 1819 года Давыдов был переведен на должность начальника штаба третьего корпуса той же армии, однако он продолжает помогать херсонцам. Характерно, что Давыдов следит за тем, чтобы обучение велось не по официальному литографическим прописям, а именно так, как в киевской ланкастерской школе. 20 сентября 1819 года, например, уведомляя Закревского, что он «по мере возможности» помогает Херсонскому отделению, Д. В. Давыдов упоминает: «Недавно на мой счет ездил в Киев инженерный офицер Воронцовский, чтобы совершенно дать тот же ход учению и в Херсонском отделении».

Н. ЗАДОНСКИЙ

Зал будет переполнен — москвичам это было ясно задолго до начала гастролей, но одна из самых молодых участниц спектакля, Мишель Буда, хочет удостовериться в этом собственными глазами.

Свободные минуты артист Луи Сенье, исполнитель роли Оргона, проводит в артистическом фойе, разглядывая портреты мастеров Малого театра.

Одна из ведущих актрис театра, Беатрис Бретти, играет в «Тартюфе» роль Дорины. Через несколько минут — выход на сцену.

Спектакль начался. Для актеров наступили напряженные минуты. А машинистам сцены Эдуарду Плэн и Павлу Егоровичу Семенову можно некоторое время отдохнуть, покурить. Каждый из них работает в своем театре не один десяток лет, и у них найдется о чем поговорить, хоть немного и мешает незнание языка.

Тут же старейшая актриса «Комеди франсез» Берт Бови уже рассматривает свой собственный портрет, сделанный во время спектакля советским художником.

Произведение великого французского драматурга в исполнении актеров «Комеди франсез» горячо принято советскими зрителями. Советских артистов, вышедших на сцену, чтобы поздравить французских коллег, взволнованно благодарил исполнитель роли Тартюфа Жан Ионель.

— Прием, который нам оказали в Советском Союзе, — сказал он, — превзошел все наши ожидания. Это доказывает, что наши народы связаны узами симпатии и дружбы. Если гастроль театра в Советском Союзе хоть в малейшей степени укрепят эту дружбу, расширят связи между нашими странами, мы будем счастливы.

Г. БОРОВИК
Фото Е. Тиханова.